

РЕЗЮМЕ. НАКАНУНЕ 79-80

Три года назад вышел первый номер неофициального легального журнала "Э7", позднее появился альманах "Часы". В этих изданиях ленинградское культурное движение проявило себя как явление и осознало свою собственную проблематику. Очевидно, что оба издания исходили из предпосылки культурной значимости по крайней мере части того, что было создано неконформистскими поэтами, прозаиками, переводчиками, критиками — свободной отечественной гуманитарией. Эта предпосылка основывалась, в частности, на уверенности, отсылающей к тысячным толпам на выставках свободных художников в ДК Газа и Невский, к существованию сотен перепечаток произведений таких ленинградских поэтов как Бобышев, Охачкин, Кривулин, Шварц, Стратановский, Драгомощенко — к суду высказанного таким образом общественного эстетического запроса и мнения.

Какова бы ни была критика этого нового запроса и мнения, каковы бы ни были действительные и мнимые слабости произведений неофициальных авторов, и то, и другое существует объективно, "социологически"; поэтому отрицающая их критика, к каким бы аргументам она не прибегала, отходит от объективизма и социального реализма и выдвигает по сути дела в качестве общеобязательных критериев свое личное мнение или мнение некоторой специфической группы. Нигилистическая критика — это критика размежевания, отказывающаяся от содержательного рассмотрения явления и вскрывающая, в конечном итоге, лишь то, чем рассматриваемое явление не является, а не то, чем оно в действительности есть.

Ответы художников на вопросы относительно перспектив культурного движения, данные ими сразу после сенсационной выставки в ДК Невском, поражали тем, что значительная их часть крайне скептически оценивало эти перспективы. Успех выставки — и скептицизм как ее следствие обескураживали.

Парадокс объяснялся тем, что художник, переживая, с одной стороны, солидарность с коллегами, выставившими свои работы вместе с ним, был поставлен, с другой стороны, перед фактом, что его творчество теряется среди остальных работ, что его художественная манера, его представления о подлинном искусстве никто или почти никто не разделяет. С индивидуальной точки зрения неконформистское искусство предстало перед ним как хаос, как коллективное заблуждение, однако с точки зрения культурного движения важно было одно: бросит ли переживший это разочарование художник свою кисть или нет. Он не бросил — и нигилистическая критика /ее лучшее выражение — статья Сумицова "О духовном в искусстве" в № 2 журнала "37", трактующая духовное как общезначимое/ исчерпала себя, выполнив свою задачу — самозащиту творческой индивидуальности художника.

Если социальная солидарность художников позволила отстоять право авангарда на контакт со зрителем, то скептицизм развеял иллюзию о произведении искусства как разновидности коллективного действия. В конце концов, только как личность художник способен или не способен создать шедевр, внести или не внести вклад в культурный процесс, достичь или не достичь признания. Внутрикультурное взаимодействие не определяется причастностью к какому-либо организационному единству.

Таково одно из важнейших следствий выставок, сыгравших как для официальной, так и для авангарда роль своеобразного "решающего эксперимента". Вульгарные представления, хронически смешивающие культуру и политику, творческий акт и социальное действие, и толкующие любое произведение, любой текст, любую картину не иначе, как если бы все усилия автора сводились к прямой или зашифрованной декларации своего политического кредо, были опровергнуты уже не теоретически, а на опыте.

Эти же следствия можно проследить в практике создания поэтического сборника "Лепта" и неофициальных легальных

изданий "37" и "Часы", которые знакомят читателей с произведениями авторов, не причисляющих себя к каким-либо организациям /и в этом смысле неконформистских/.

При преимущественно нейтральном отношении официальных учреждений к неконформизму, при отсутствии с их стороны как поддержки, так и критики, культурное движение обнаружило свой органический характер и незаметно для себя пережило процесс секуляризации, особенность которого заключается в том, что отделение произошло не в плоскости оппозиции, а на другом уровне; культурное движение существует в неадекватном для официального творчества измерении. Неофициальные издания сыграли в этом определенную роль, поскольку отбор текстов по профессиональному принципу и культурному значению отбраковывал произведения тех авторов, которые сознательно или несознательно усматривали в культурном творчестве только служебную функцию. Издания создали особый контекст свободы мысли, свободы индивидуальности— такое сочетание текстов, которое позволило увидеть чрезвычайно широкий спектр творческих направлений и нашей общей реальности.

Радикально изменилась психологическая атмосфера в культурной среде— произошло общественное узаконивание ее как явления. Неофициальность и незаконность перестали быть синонимами, и вновь открылась та простая истина, что человек может быть гражданином и патриотом именно потому, что он творчески свободен. Этот патриотизм и чувство гражданственности скажется, по-видимому, в том, что эмиграция среди свободной творческой интеллигенции в ближайшее время сократится.

Культурное движение последних лет— явление в России уникальное. Даже для самих участников оно представляет проблему. Оно развивается в новых формах общения, воспитывает новые привычки, и по-новому ставит традиционную проблему свободы— не в том абстрактном виде, в каком она ставилась русской общественной мыслью 19-го века с ее

внеисторическим рассмотрением человека и свободы. Культурное движение не принимает человека "как он есть", когда под этим подразумевается чистая неопределенность, хаос эмоций и близорукий прагматизм. Культурное движение выдвигает свой идеал человека, воспринимающего себя в русле культурных и национальных традиций и исторического опыта, и противостоящего соблазнам обывательского и утилитарного расчета. Оно понимает, что свобода "неокультуренного" человека — это варварство и разрушение.

Между творческими возможностями отдельного человека и реальными возможностями эпохи всегда существует определенный разрыв, который лишь романтический иллюзионизм может объявить несущественным. Ни один призыв, ни одна мысль, ни один образ, ни одна схема, какими бы блистательными они ни были, не способны сами по себе составить эпоху. Никакая эпоха не понята до конца, даже если она уже закончилась.

Между реальностью художественного произведения и реальностью как целым существует не меньшее различие, чем между реальностью личности и реальностью нации, народа, человечества, и все же именно личность является субъектом познания и выражения.

Вот заключения, которые можно с большой уверенностью сделать, оглядываясь на прошедшие два-три года. С точки зрения развития свободного творчества они вряд ли сопоставимы с каким-либо другим периодом нашей жизни.

~~Итак~~

Не предаваясь мечтаниям, можно сказать, что будущий историк русской культуры без труда найдет ту точку, в которой мы сейчас живем, ибо решающим для него будет то, что он обнаружит в нашем времени поэзию, бодрствующую мысль, творчество.